

Словом года в 2019-м стал «протест»

В России подвели итоги конкурса «Слово года». Он существует уже 13 лет, с 2007-го. Список слов-кандидатов (в этом году их около 300) был составлен по предложениям двух с половиной тысяч участников групп «Слово года» и «Неологизм года» в фейсбуке. Перед экспертами

конкурса, который возглавляет филолог Михаил Эпштейн, стояла задача отобрать самые яркие слова. Голосование проводилось в четырех номинациях: «Слово года», «Выражение года», «Антиязык» (язык вражды и ненависти) и «Протологизм» (неологизмы, созданные участниками группы).

Михаил Эпштейн напоминает, что в прошлом 2018 году тремя ведущими лейтмотивами года были: пенсия и пенсионная реформа; гибридная война и противостояние с Западом; мотив яда, отравления, токсичности.

В 2019 году «как самый значимый, статистически доминирующий выделяется единственный лейтмотив – противостояние власти и общества». Так или иначе большинство слов и выражений 2019 года связаны с московскими летними протестными акциями и, шире, культурой протеста в России.

Словом 2019 года по результатам экспертного голосования стал «протест».

Слово, заметим, на этот раз вполне традиционное – но прежде оно чаще всего имело отношение не к «нам», а к каким-то «другим». Советскому телезрителю привычно было слышать фразы – «протесты опять захлестнули Западную Европу» или «тысячи

протестующих вышли к Белому дому». Впрочем, в конце 1980-х и после, все 1990-е, это слово также стало и вполне «нашим». Начиная с 2000-х, однако, пропаганда вновь попыталась вытеснить это слово из «легитимного» обихода. Легализация слова «протест» в этом году – ответ общества в том числе на попытки пропаганды дискредитировать целый ряд других универсальных понятий – свобода, демократия, толерантность. Это говорит, как ни странно, о том, что российское общество взрослеет, становится частью мира.

Слова, спонтанно родившиеся во время летних протестов – «*допускай!*» (к выборам) и «*отпускай!*» (или «*выпускай!*»), – на самом деле так же символичны. С одной стороны, их можно назвать атрибутами наивного, инфантильного, подросткового сознания: подобные требования, казалось бы, неосуществимы, утопичны. Однако как тут не вспомнить лозунг парижских студентов 1968 года – «Будьте реалистами – требуйте невозможного!». Тогдашние протесты не повлияли на политический курс страны – однако они имели огромное значение для будущего Франции и Европы в целом. В нашем случае также можно говорить о появлении «голоса молодежи», который в постсоветские годы был почти не слышен, неразличим среди прочих социальных групп. Наконец, в этих лозунгах различим «голос будущего», который прорезается сквозь толщу застывшего полунастоящего-полупрошлого. Идеологический монолит в этом году дал трещину.

Точно таким же прорывом матрицы можно считать и третье слово-призер – «*пытки*» (заключенных).

Официальная идеология, как принято, фильтрует «плохие новости»; но благодаря усилиям общества и независимых медиа они все-таки достигают адресата. «*Транзит*» (власти) – также попытка разговора о будущем; в самом слове чувствуется еще и еще огромная усталость от бесконечного топтания истории на месте – или бесконечного хождения по кругу. «*Прогулка*» (как протестное действие) – также попытка нарушить тоталитарную геометрию столицы, выстроенную еще в 1930-е годы («прогулки» в большей степени московское слово). Ну и «*автозак*» – как

синоним машины подавления, которая пытается противостоять человеческому движению.

В номинации «Выражение года» на первом месте – «*московское дело*», а также «Я/Мы» (плюс имя). ЯМы, яма – вот что еще слышится в этой конструкции. Яма истории, яма прогресса. Философ Джудит Батлер пишет, что человеческое тело сегодня – само по себе протест, поскольку оно, прежде всего, сообщает: «я существую». «Я/Мы» – знак солидарности; но, прежде всего, это попытка заявить о своем персональном существовании в качестве личности (недаром «Я» пишется с большой буквы), отделить себя от государственного «Мы» (тут можно вспомнить еще прекрасное русское слово *самостояние*).

Экзистенциальное измерение этого «Я/Мы» также отсылает нас к духу 1968 года.

«**Клоачный язык**» – одно из главных выражений года. Слово, употребленное филологом Гасаном Гусейновым, всколыхнуло общество. Негативная реакция на него пополам с личными оскорблениями говорит о том, что Гусейнов невольно разбередил общественную рану. Клоака в символическом смысле означает «подземное, скрытое, неприличное» – то, о чем не принято говорить вслух. Однако соблюдение «приличий» за столом или в людном месте не сможет служить корректной аналогией для big data, то есть для общества в целом. Общество как раз и должно, не боясь дурного запаха, разгрести собственные ямы и подвалы – иначе оно начнет гнить изнутри. Отказ общества смотреть правде в глаза, вглядываться в собственные достоевские подвалы – вот что такое на самом деле реакция на слова Гасана Гусейнова.

По другим выражениям-призерам – «*мусорные бунты*», «*домашнее насилие*», «*вечерний мудозвон*», «*молодежные протесты*», «*бросить пластиковую бутылку*» – легко реконструируются важнейшие общественные события 2019 года.

Среди неполитических выражений года выделяется одно: «*Идем*

правее, на солнце, вдоль рядов кукурузы» (эту фразу произнес после аварийной посадки самолета 15 августа 2019 года бортпроводник Дмитрий Ивлицкий, обращаясь к пассажирам). Пилоты Дамир Юсупов и Георгий Мурзин, которые сумели посадить на кукурузное поле неисправный самолет и спасти сотни жизней, конечно же, настоящие герои этого года. И в этой фразе также чудится что-то экзистенциальное: пограничная ситуация, ответственность и спонтанность – и, как результат, победа человеческого духа.

Состав рубрики «Антиязык» в этом году был расширен: это не только язык агрессии и пропаганды, но и язык штампов, пошлых, уродливых выражений – те слова, которые при употреблении хотелось бы поставить в кавычки как явно чужие. Официальная идеология, как и в советские времена, стремится стать монополистом на рынке смыслов: естественно, что язык сопротивляется, огораживается как умеет от этого диктата – с помощью в том числе разного рода «кавычек». Первого места в этой номинации удостоилось выражение *«иностранный агент»* (иноагент). Предсказуемый, опять же, результат. Выражение «иностранный агент» обращается к массовому бессознательному, как бы активизирует старую память о тех временах, когда слово «иностранный» по сути равнялось «вражескому».

На втором месте – выражение *«пещерные русофобы»* (Владимир Путин).

Само слово «русофоб» имеет крайне неопределенный смысл, но здесь оно еще и дополнено принижающим «пещерные». На третьем месте – выражение *«глубинный народ»* (Владислав Сурков): еще одна искусственная конструкция, желающая на самом деле остановить естественное «взросление» страны и общества. Официальная формулировка «несогласованный митинг» заслуживает особого внимания. «Несогласованные – не значит преступные», – подчеркнул во время своего недавнего выступления член СПЧ при президенте РФ Николай Сванидзе. Это действительно важный акцент. И это, опять же, вопрос не только о митингах. С помощью подобных слов власть подспудно внушает мысль о

незаконности несогласия как такового, в любой форме. Ту же цель имеет и выражение «массовые беспорядки» – оно призвано конструировать выдуманную реальность (никаких беспорядков в столице, как известно, не было) и, таким образом, также ставит знак равенства между «беспорядком» и «несогласием».

Примечательна среди выражений этого года часто встречающаяся ошибка в речи «понял о том, что», «сообщил о том, что», «знаю о том, что...». Эта конструкция с лишним указательным словом – бессознательная попытка говорящего придать своей речи солидности, основательности – и одновременно желание загородиться, скрыться от ответственности за частоколом пустых слов. За всем этим стоит, опять же, боязнь быть понятым, боязнь быть собой. Обратите внимание, как бюрократизируется в последнее время бытовой язык: ни одного слова в простоте! Отсутствие кассира в магазине сопровождается витиеватым объявлением типа «на данной кассе обслуживание временно приостановлено». «В данном терминале временно отсутствует бумага».

«Проход» всегда именно «воспрещен», а не «запрещен». Откуда эта тяга к извилистой бюрократической тягомотине?

Тем самым люди как бы пытаются скрыться от личной ответственности за «языком взрослых», который слышат каждый день по телевизору. Из той же серии «отказа от ответственности» другие выражения-призеры номинации «Антиязык»: «я вас услышал» (в знач. «заткнись»), «не имеет аналогов в мире (т.е. никому не нужен), «ни разу не» в смысле «совсем не». И чем сильнее ожесточается «большая реальность», тем сильнее желание одомашнить, утеплить пространство хотя бы вокруг себя: об этом говорит сетевое выражение «вкусняшки, обнимашки, целовашки, печенюшки».

И, наконец, **народное творчество**, рубрика «Протологизм года» (новые слова и выражения). Первое место в этом году получила «*Бо-бо-гвардия*» (инфантильная самопрезентация силовых органов в судах, автор – Ирина Солодухина). На втором месте –

«ГАСАНта-Барбара» (искусственная волна «народного возмущения», перерастающая в оргвыводы, автор – Анна Христочевская). Выражение «клоачный язык», как выяснилось, оказалось плодотворным – и породило целую серию смежных протологизмов, удачно описывающих феномен «грязной речи» и уничижительных комментариев в сети. Неологизмы, предложенные также Анной Христочевской – «клооактивизация» и «клоокоммуникация», а также «клоокомменты» (Otar Bezhanov), кажется, вполне точно описывают нашу сетевую действительность. Выражение «фейсдельничать» (бездельничать, сидя в фейсбуке, Otar Bezhanov) также уточняет новую реальность. «Отпобедать» (отпраздновать победу за праздничным столом, Сергей Плотников), «дать отгугл» (отправить на поиски в «Гугл», Александр Крыс), «рукавички» (когда в устной речи руками обозначаются кавычки-лапки, Константин Армов) и, наконец, «рулонгрид» (Анна Христочевская) – то, чем нас пичкают каждый день известные интернет-агрегаторы новостей.

Со стороны может показаться, что все эти «игры филологов» – ничтожная попытка противостоять молоху реальности. Но язык и сам по себе – реальность, он одновременно ее и создает, и отражает. В этом смысле «Слово года» показывает, что общественная значимость языка далеко еще не исчерпана и язык продолжает сопротивляться насилию. И в символическом, и в буквальном значении этого слова.

Андрей Архангельский

